

Хезмәткә һәм халыкка багышланган гомер. Часть 4 Мәхмүтова Альта Хажы кызы

Перемены в моей жизни

Летом 1947 года меня отправили в пионерский лагерь. Лагерь был заводской и находился в сосновом бору на крутом берегу Камы недалеко от Тихих Гор и поселка Бондюга. Из пребывания в лагере я помню несколько фактов. Самое главное, пожалуй, скудное питание. Еще не была отменена карточная система на хлеб и другие продукты. Поэтому мне не полагался хлеб, который давали всем детям (в лагере, в основном, отдыхали заводские дети). Хлеб мне посылали из дому, а приносила его Назия апа, ставшая секретарем сельсовета и каждую неделю приезжавшая по делам в райцентр. Это, во-первых. Во-вторых, почти каждый день после завтрака нас уводили в лес собирать грибы. Собранные нами грибы относились на кухню, и в меню у нас каждый день было что-то грибное – суп, грибы на второе (жареные, тушеные и т.д.), пирожки с грибами. Для меня это была незнакомая еда, к которой я испытывала отвращение (даже в войну бизякинцы не употребляли в еду грибы). Единственная польза для меня от наших походов – я научилась отличать съедобные грибы от несъедобных и полюбила сам процесс сбора грибов...

В 1947-1948 учебном году я училась в пятом классе бизякинской школы. Теперь с нами занимались уже несколько учителей-предметников. Учеба давалась мне по-прежнему легко, и родители, считая, что меня нужно больше загружать, договорились с молодой учительницей русского языка Натальей Николаевной Разживиной, что она будет дополнительно заниматься со мной русским языком. Родители к тому же решили со следующего учебного года отдать меня учиться в русскую школу, находящуюся в районном центре поселке Бондюга, а до этого нужно было приучить меня к общению на русском языке.

Наталья Николаевна, пожалуй, была первым русским человеком, который на моей памяти стал постоянно жить в нашей деревне. Начиная с ней заниматься, я практически

не могла построить правильно ни одного предложения по-русски. Конечно, у нас были уроки русского языка, которые вела Амина апа в 3-4 классах, и у меня уже сложился какой-то словарный запас, но общаться с кем-либо на русском языке мне не приходилось. Правильную русскую речь мы слышали только в кино. Даже радиоприемник у нас вновь появился только в 1947 году. Но по нему мы, видимо, слушали только передачи на татарском языке из Казани. В моей памяти нет воспоминаний о прослушивании нами по радио в те годы русскоязычных передач.

Наталья Николаевна учила меня именно разговорному языку, прививала навыки общения на русском языке. Для того, чтобы мы пообщались с говорящими по-русски детьми, нас с Алисой даже повезли в Бондюгу на елку в семью Метшиных. Ильяс абый Метшин и его жена Закия апа Валеева работали в Бондюжском райкоме партии. Закию апа я знала, так как еще в годы войны она стала уполномоченной от райкома по колхозу им.Сталина и часто бывала у нас дома. Хотя разговоры и праздник в их доме, в основном, шли на татарском языке, дети больше говорили по-русски. Преодолев стеснение, и я пыталась приобщиться к их разговорам. На празднике я впервые при всех на русском языке прочитала стихотворение Н.А.Некрасова “Мужичок-с-ноготок”. Хотя к этому времени у меня уже был достаточно большой опыт выступлений на сцене, это, на другом языке и среди чужих мне людей, далось мне с большим трудом.

* *
*

Так на протяжении целого учебного года шла подготовка (вероятно, больше психологическая) к серьезным переменам в моей жизни. И вот, наступил канун 1 сентября, когда все в моей жизни должно было измениться. Меня зачислили в 5-а класс школы № 1 поселка Бондюга. Мама посчитала, что повторное обучение в пятом классе облегчит усвоение русского языка. В одиннадцать лет я оказалась одна - вне родного дома, вне родной деревни, среди чужих людей, в чужой обстановке. Из чисто татарской деревни я попала в совершенно чуждую мне русскоязычную среду.

С 1 сентября 1948 года основную часть жизни я стала проводить в Бондюге. Хотя папина сестра Нурнида апа с сыновьями и своей мамой, моей бабушкой, тоже жили в Бондюге, их дом находился далеко от школы, в микрорайоне, называемом Камашево. Поэтому меня устроили на квартиру в соседнем со школой доме у Маймуны апа, которая жила вместе с сыном на два-три года постарше меня и дочерью моложе меня. Я прожила у них первую четверть, затем меня перевели на квартиру к бабушке Сорокиной, жившую через два дома от школы. Видимо, родители решили, что мне нужно больше общаться на русском языке, а у Маймуны апа была татарская среда. Квартиру эту родителям предложила Закия апа Валеева. Она договорилась со своей соседкой, бабушкой Сорокиной, которая с дочерью тетей Полей жила рядом с ними.

К сожалению я никогда не знала имени-отчества бабушки, у которой я благополучно прожила три года. Ее все – и взрослые, и дети - называли “бабушка Сорокина”. Она сама сразу сказала мне, чтобы я называла ее “бабушка”. Бабушка с виду была очень суровая женщина, ее боялись все дети, да и взрослые остерегались лишней раз обратиться на себя внимание бабушки. На самом деле она была очень доброй и справедливой. Она была верующей, на Пасху ходила пешком из Бондюги в находящееся в 50 километрах село Костенеево Елабужского района в церковь, и отстояв всенощную, возвращалась обратно. Судя по этому, можно предположить, что лет ей было немногим за пятьдесят. Бабушка Сорокина постоянно заботилась обо мне, следила за тем, чтобы я была сыта и одета. Она следила за моей речью, хотя сама была малограмотной; тетя

Поля проверяла мои уроки, в общем, они относились ко мне очень тепло, по-родственному. Я прожила у них все три года, которые училась в Бондюге.

Наташа, Валерик, Альта 1950

В конце каждой недели я возвращалась домой в Бизяки. Тогда на дорогах не только автобусов, но и машин не было, и люди больше ходили пешком или, очень редко, лишь по серьезным делам, ездили на лошадях, запрягавшихся, в зависимости от времени года, в тарантас или сани. Я очень хорошо запомнила, как я одна первый раз пошла из Бондюги домой в Бизяки. Приехавший в пятницу по работе в уполминзаг папа привез

мне продукты на неделю и сказал, чтобы я оставалась в Бондюге и в воскресенье навести родных – бабушку и тетю. Но как я могла ждать еще неделю вне дома? Мне и эта неделя показалась нескончаемой. Наступила суббота. Мы учились во вторую смену. После уроков, особо не задумываясь, я решила отправиться в деревню домой. Был теплый сентябрьский вечер, еще светило солнце.

В Бизяки из Бондюги было два пути – сверху, мимо деревень Бондюга и Сетяково, и снизу - через мелколесье в пойме Камы. Я выбрала первый путь, хотя он считался длиннее. Дорога была пустынной, я шла одна на всю округу. Пока я поднималась к деревне Бондюга, расположенной на пригорке, были видны, как на ладони, и поселок Бондюга, и завод. Мне было весело, я прошла первых два километра довольно быстро. Однако стало стремительно темнеть, село солнце. Все же с пригорка я уже успела разглядеть нашу деревню, что придало мне смелости. Часам к девяти, уже в темноте, я добралась до Сетякова. Это была крещенотатарская деревня, к жителям которой мы, не только дети, но и взрослые, относились настороженно. Чужой и чуждый для нас мир пугал меня, но оставшиеся три-четыре километра до дома были еще страшнее – впереди предстояло пройти два оврага и кладбище. К тому же я очень устала.

Я решила, что если увижу свет в каком-либо сетяковском доме, попрошусь переночевать, хотя я там никого не знала. Темно, ни в одном окне света не видно (тогда ложились рано – электричества не было, керосин для ламп расходовали экономно). На мое счастье, в одном из крайних домов я увидела слабый свет и постучалась. Открывшей мне дверь хозяйке дома сказала, что я дочь Хазея Махмутова из Бизяков, и попросилась переночевать. Его она знала, так как папа работал агентом по сельхоззаготовкам. Она уложила меня спать на нары, где уже спали несколько человек. Когда меня разбудили, все уже встали. Поблагодарив хозяйку, я пошла дальше домой. Помню, что я встретила колхозников, высаживавших березы на лесополосе между оврагами. Среди них была и Зафира апа, очень удивившаяся моему появлению на дороге. Думаю, что не меньше удивились и родители, когда около девяти часов утра я попала домой.

Так завершилось мое первое самостоятельное путешествие из Бондюги в Бизяки. Впоследствии в течение трех лет я проделывала его чуть ли не каждую неделю, но папа поначалу строго-настроено запрещал мне выходить на дорогу одной. Сначала он сам несколько раз по субботам приезжал на велосипеде, и мы возвращались вместе домой. Хотя сидеть на раме было не очень удобно, это было все же лучше, чем идти пешком. Несколько раз меня подвозили Азаль абый Файрушин и Тагзим абый Кулячев. Они были учителями в деревнях Абалач или Илькино и, возвращаясь на воскресенье домой на велосипедах, догоняли меня у деревни Бондюга.

Наступила зима. Папа нашел мне попутчицу – Гульзиан апа, работавшую в Бондюге и по субботам возвращавшуюся в деревню. С ней мы обычно шли нижней дорогой, через мелколесье в пойме Камы. Обрато в Бондюгу я возвращалась в понедельник. Обычно с вечера папа находил в деревне попутчиков, отправлявшихся на лошади в Бондюгу по делам в понедельник, и пристраивал меня к ним в повозку, так что дорога на учебу была вполне комфортной. Возможно, именно это примирило меня с неизбежной разлукой с родителями, с Алисой, с привычной домашней обстановкой.

Я оказалась единственной татаркой в классе, причем очень плохо говорившей по-русски. Я думаю, что если бы у меня была правильная разговорная речь, на меня никто не обратил бы особого внимания (в то время национальная принадлежность, по-моему, вообще не играла особой роли). Одноклассники довольно быстро приняли меня в свою

среду, только мальчишки вначале немножко передразнивали. Конечно, самолюбивой и очень обидчивой девочке, привыкшей первенствовать среди одноклассников, в такой обстановке было очень некомфортно. Я, хоть и “дичилась” и замкнулась в себе, обратно в деревню не просилась, понимала, что надо много заниматься. И тут мне помогли мои одноклассницы и, конечно, книги. Я много читала, теперь уже книги на русском языке. Их я брала в школьной библиотеке и у Закии апа, которая покупала их для своих детей (у нее были дочь и сын моложе меня). Давали мне почитать книги и одноклассницы. Особенно запомнилась мне большая библиотека в доме Гали Куликовой, с которой мы сблизилась благодаря любви к чтению уже позже, в 6-7 классах.

Все девочки в классе с первого дня относились ко мне неплохо. Но самой лучшей моей подругой стала Вера Денисова. Она была отличницей, лучшей ученицей в классе. Возможно, ей первоначально поручили помогать мне освоиться в новой среде. Вера была очень доброй и обязательной девочкой, и вскоре мы с ней подружились. Все три года, которые я проучилась в бондюжской средней школе № 1, мы с ней были неразлучными подругами. Наши пути разошлись после седьмого класса – Вера уехала учиться в город Миасс Челябинской области, где она поступила в горный техникум, а я поступила учиться в Елабужское педучилище.

Первую четверть в пятом классе я завершила с тремя “пятерками” (математика, география и немецкий язык) и тремя “двойками” по разговорным предметам (русский язык, литература и история). Хотя вторую четверть я закончила без “двоек”, и в классе со всеми установились добрые отношения (даже мальчишки перестали меня дразнить), я никак не могла освоиться в школе. Я думаю теперь, что дискомфорт я чувствовала из-за учительницы русского языка, которая из-за отсутствия опыта или любви к своему предмету и к детям создавала обстановку отчужденности. Ее уроки были малоинтересными, формальными; ее раздражал каждый неправильный ответ. Это чувствовала не только я, привыкшая в Бизьяках к иному отношению учителей к детям, но и все другие мои одноклассники. Но нам “крупно повезло”. Молодая учительница по

русскому языку с нового года ушла в декретный отпуск (возможно, именно этим ее положением объяснялось ее отношение к урокам и к нам).

С третьей четверти ее заменила пожилая учительница Мария Михайловна Юрлова, бывшая уже на пенсии, как говорили, бывшая “земская учительница”. Она не только сумела заинтересовать нас русским языком на уроках, но и проводила очень интересные дополнительные мероприятия, совершенствуя наши знания. Если первая учительница мои успехи почти “не замечала”, проверяя лишь положенное, то М.М., наоборот, “загружала на полную катушку”, давая бесконечные задания: наравне с лучшими в классе учениками я писала рефераты, выступала с рассказами на конкретные темы, которые должна была сама составить. Во внеурочное время она проводила с нами обсуждение прочитанных по ее заданию книг. То мы собирали поговорки и пословицы, загадки, скороговорки, составляли и решали кроссворды, то писали сочинения на темы сказок, то ставили инсценировки... Думаю, что именно благодаря М.М. я почти в совершенстве владею русским языком и люблю его. Если любовь к родному языку и литературе привила мне моя мама, то именно Мария Михайловна помогла мне узнать красоту и богатство русского языка и привила любовь к русской литературе.

К окончанию пятого класса я уже приспособилась к самостоятельной жизни. У бабушки жизнь моя проходила спокойно, размеренно; наладились и мои питание, и быт. Отец с осени привозил картошку, а остальные продукты (мясо, молоко, масло) понемножку приносила из дому и я сама, да и папа тоже что-то привозил. Времена были суровые, было трудно не только с продуктами, но и с хранением их (о холодильниках мы даже не слышали). У меня был маленький чугунок для приготовления еды. Я до школы (мы учились во вторую смену) оставляла в нем очищенную картошку, остальное (это могли быть мясо, какая-то крупа или приготовленная мамой и высушенная лапша) добавляла бабушка и ставила в протопившуюся печь. Если же добавить было нечего, тогда варилась лишь картошка, но к возвращению из школы меня всегда ждала теплая еда. Конечно, с сегодняшней точки зрения, вряд ли такую жизнь можно назвать сытой, но я, во всяком случае, не страдала от голода.

Впрочем, так скудно тогда питались все. Вот, к примеру, обычный ужин в семье Метшиных. Закия апа и Ильяс абый приходили с работы поздно (они были райкомовскими работниками). Закия апа на скорую руку готовила ужин (чаще всего, это была картошка “в мундире”). Все (взрослые и двое маленьких детей) садились за большой начисто выскобленный стол (клеенка появилась позже). Закия апа иногда приглашала и меня (я же жила только через коридор). Перед каждым из нас клалось две-три картошины и по большому куску хлеба. На блюде было немного растительного масла и соль. Вся эта неприхотливая еда исчезала со стола моментально. Дальше – чай в граненых стаканах. Если было, Закия апа перед каждым из нас троих насыпала по горсточке сероватого сахарного песка, и мы чаевничали, обмакивая оставшийся хлеб в этот песок.

Родители мне каждую неделю давали и какие-то небольшие деньги, на них можно было купить пирожки (с ливером или джемом) в школьном или заводском буфете. Но они практически были почти не съедобные – пережаренные, жесткие как подошва. В магазинах же покупать было нечего, были большие очереди и за хлебом. Зато была черная икра в большой деревянной бочке. Я, конечно, никогда его раньше не ела, хотя с икрой я была знакома. Ведь мы жили на Каме, и рыба и рыбные продукты бывали на нашем столе (мне особенно нравилась жареная икра речных рыб). И однажды, не видя на прилавке больше ничего съедобного, я решила купить черную икру. На имевшиеся

у меня деньги продавщица взвесила мне граммов сто икры, завернув ее в плотную бумагу. Однако икра эта оказалась настолько соленой, что ее без хлеба или чего-то подобного невозможно было есть. Все же я ее не выбросила, а сложила в кармашек портфеля и, когда очень хотелось есть, брала в рот несколько икринок и сосала. Этот деликатес мне совсем не понравился, но именно поэтому мне его хватило надолго, и даже портфель мой пропитался его запахом основательно. День, когда в Бондюге оказывался папа, для меня превращался в праздник: он меня водил в заводскую столовую, где мы ели пельмени и пили компот. Дома в деревне мама также старалась встречать меня какой-то вкусной едой. Для меня же самой вкусной едой была печеная картошка. Что бы ни было вкусного на столе (даже будь это балиш и другие пироги), я просила: “А печеная картошка есть?”. И только съев одну-две картофелины, переходила к другим яствам.

Так прошло три года. В психологическом плане привыкание к самостоятельной жизни было для меня очень сложным. Приходя домой по субботам и попадая в привычную обстановку, я отдыхала душой и телом, но не успевала расслабиться, как вновь нужно было отправляться в чужую среду. Фактически я жила между двумя мирами – татарско-деревенским и русско-городским (Бондюга в то время была поселком заводского типа и районным центром). Мне этот переход давался с таким трудом, что, возвращаясь домой, мне уже никуда не хотелось уходить из дому. Бывшая в деревне очень общительной и открытой для всех девочкой, я постепенно замкнулась в себе, научилась скрывать свои горести и беды, “ушла” в книги.

Постепенно я отходила и от своих деревенских подружек. И только в каникулы и праздники я могла общаться с ними. Так, когда я училась в шестом или седьмом классе, во время майских праздников мы организовали “карга боткасы (воронью кашу)”, устраиваемую в честь прихода весны, летом ходили за ягодами... Но в деревне дети взросли быстрее, и 13-14-летние девочки (я уже говорила, что в классе все были старше меня на 2-3 года), с которыми я рассталась при переходе в бондюжскую школу, за эти три года превратились в девушек. Они уже не только были полностью заняты

домашними делами, но и интересы у них изменились, особенно когда они закончили седьмой класс и на деле стали считаться взрослыми.

Я не смогла полностью войти и в круг интересов заводских девочек. Причина была та же – я не могла участвовать во внеклассных играх, которые большей частью проходили в субботу-воскресенье, когда я уходила в Бизяки. Я была дружна лишь с двумя-тремя девочками. Кроме Веры и Гали это была новенькая девочка, пришедшая к нам в шестом классе Роза Гильмутдинова, переехавшая в Бондюгу вместе с родителями с Украины. Она не говорила по-татарски, но и по-русски разговаривала с сильным украинским акцентом, что ее также отдаляло от остальных. Нас, вероятно, сблизило то, что мы были не заводскими. В шестом-седьмом классах я продолжала хорошо учиться, в свидетельстве об окончании седьмого класса было лишь две “четверки” – по геометрии и физкультуре, остальные “пятерки”.

Весной – летом 1951 года родители решили перестроить дом. Построенный в 1920 году еще дедом Махмутом, он уже довольно-таки обветшал и требовал ремонта - нужно было заменить подгнившие нижние звенья сруба. Была и другая причина. Освободился участок перед нашим домом, выходящий на улицу (как я уже писала, наш дом находился в тупиковом проулке), и родители решили передвинуть дом и хозяйственные постройки на этот участок. Так что лето-осень этого года выдались хлопотливыми.

Продолжение следует...